

Рыбаки

Аркадий Гайдар

Подмерзший песчаный берег был тверд и ровен, как асфальтовая мостовая. Море было спокойно, когда мы поехали осматривать сегодняшний улов. Нас было трое: четырнадцатилетний паренек-рыбак, его мать, крепкая сухоощавая старуха в высоких сапогах из тюленьей кожи, и я. Мы плыли вдоль берега, когда из какой-то рыбацкой избушки вышел человек и что-то закричал нам вдогонку. Я не расслышал, но старуха поняла его. Она сердито рванула веслами и крикнула на берег:

— Будет тебе! Что, на мне креста нету? Сказала — сделаю. Как раз после Михайлова дня кончу. Сколько раз тебе говорила, что после Михайлова! Человек на берегу махнул рукой и отошел.

— Что он спрашивал? — заинтересовался я.

— Работу спрашивал, — ответила она. — Сети наказывал скорей плести. Лодка-то эта его. У него их шесть штук, а у меня своей нету. Вот, значит, он дал одну лодку мне, другую еще кому-нибудь, а мы должны на него сети плести.

— А зачем ему столько сетей? Ведь у вас угожья идут по жеребьевке. Ему больше других не дадим.

— А на что ему больше, — ответила старуха, — ему больше и не надо. Он отдаст сети в пай одному, другому да третьему. Сам на своем угожье промышляет, а с чужих ему тоже доля идет.

— Артелей у вас нет?

— Нет. Какие тут артели? Вот в Кузомени, говорят, есть артель, да и из той что-то бегут. У нас если артель созвать, то нам вовсе беда будет.

Это неожиданное заключение удивило меня, и я спросил:

— Кому будет беда и от кого?

— А в том беда, что народ у нас, который победнее, ну хоть вроде меня, темный и малограмотный. Если, скажем, мы по две — по три семьи работаем, то тут все дела как на песке видны. А в большой артели они тебе так голову запутают, что и концов не найдешь.

— Кто — они?

— А они, верховоды-то наши. Ну, промышленники, которые покрупнее. Возле поселка Тетрино, возле Чаваньги и Кузомени вдоль по берегу крепко засело кулачье.

Угожья распределяются жеребьевкой, но выходит как-то так, что все лучшие места бывают захвачены зажиточными рыбаками.

Цена за рыболовные участки разная, в зависимости от места. Если даже по жеребьевке бедняку достанется хороший участок, то у него может не хватить денег внести свой пай, а кулак всегда вносит без задержки или в крайнем случае одождает денег тому же бедняку, входит в пай, и получается так, что он становится фактически владельцем участка.

Как-то я разговаривал с председателем сельсовета и спросил его: не думает ли он поставить вопрос об организации рыбацкой артели.

— Нет, не думаю, — откровенно сознался он. — У нас с артелью вряд ли что выйдет, у нас народ-то такой несогласный.

— Как так — несогласный?

— А оттого несогласный, что разный у нас народ. У одного — побольше, у другого — поменьше. Ежели, скажем, у нашего Василия четыре лодки да несколько тоней, а у Егора одна, да и то худая, какая же тут может быть артель?

— Так ведь ваш Василий кулак. Не про него и речь идет. А отчего бы бедноте не организовать?

Председатель усмехнулся:

— Пожалуй, организовывайся. А толку-то что? Снастей нет, лодок нет, бахил нет. Ну что же, организуются да и будут с песнями по берегу ходить, а в воду-то лезть не с чем.

— А кооперация не кредитует?

— Раньше кредитовала, а нынче нет. Кулака нынче кредитовать не велено, а бедноте кредит не под силу. Не на что ее кредитовать, когда она и так вся на чужом работает.

В Тетрине и в Чаванье все кулачество кооперировано.

Пай для всех одинаков. Одинаков и для бедняка и для кулака. Есть хозяйства, которые за весь сезон улавливают семги рублей на 100—150. А есть и такие, улов которых оценивается в 400—500 рублей; это только со своего участка, не считая побочных доходов, как, например, сдача лодок, снастей внаем или продажа оленей.

Когда я спросил, почему промысловая кооперация смешивает в одну кучу бедняка и кулака, то мне так прямо и ответили:

— Кулак платит такие же советские деньги. Это дело сельсовета, а не кооперации — ликвидировать кулаков. Кооперация не может вмешиваться не в свои дела. Вот если бы мы делали какое-нибудь преимущество кулаку, тогда другое дело. А у нас преимущества ему нет никакого. У нас на этот счет строго.

Мне случилось заночевать в рыбацкой избушке. Избушка была старая, низенькая и закопченная. Возле нее стоял черный покосившийся крест,

поставленный еще стариками на «рыбацкую удачу». Алексей Иваныч, хозяин избушки, за кружкой припахивающего дымом чая рассказывал мне так:

— Это все враки, что артель организовать нельзя. Артель сделать можно.

Рыбацкое дело такое, что артелью работать многим удобнее, потому что и снасти дороги и с малым народом трудно управиться. Артель сделать можно, да вся беда в том, что сочувствия к этому делу у некоторых начальников нет.

Возьми ты такое дело. Захотело нас четыре семейства положить начало артели. Было это в прошлом году, тогда еще РИКов не было, а волости были. Послали мы человека в волость, чтобы дали нам совет, как кредит получить, как устав сделать. Пришел наш человек в ВИК, а ему там и говорят: «Насчет кредита — это вы напрасно. С кредитом и всякий дурной организовать сумеет. А насчет устава — это можно, только у нас его под рукой нету.

Валялся где-то один, да его какие-то черти наполовину скурили. Вы погодите немного, пока мы из губернии еще несколько экземпляров получим, тогда мы вам пришлем». Так и не прислали. Ну, да мы видим, что сочувствия к нам большого нету, что насчет кредита тоже податься некуда, так и бросили это дело. Однако в этот год снова начинать будем. Главное, к нам человек один хороший пришел и из солдат — демобилизованный. Этот не то, что мы, этот грамотный и упорный человек. Он-то достанет. От него уж не отвертишься. С ним можно дело сделать.

Мы допили чай. Был уж поздний вечер. Ветер крепчал, и хозяин пошел вытаскивать на берег лодку.

Газета «Правда Севера» (Архангельск),

30 ноября 1929 года